

Статья Екатерины Лагода привлекательна тем, что в ней затронута одна из ключевых проблем развития современного правосознания в связи с глобализацией. Национальные законодательства активных участников современного международного сотрудничества оказались в положении сообщающихся сосудов, на которые влияет состояние опыта правоприменения других субъектов международного права и сложившаяся практика международного сотрудничества в гуманитарно-правовой области. Поэтому Российская Федерация не может самоизолироваться от правовых стандартов и порядка их применения в других государствах. Особенно в тех, что располагают богатым и разносторонним опытом применения моделей законодательного регулирования, ориентированного на идеал правового государства и строгое исполнение действующих законов.

Статья посвящена одной из сложнейших областей правового регулирования - проблематике свободы совести и вероисповедания. Непредубежденный читатель знает о сложности и глубине оснований, по которым совершается выбор того или другого мировоззрения, его обоснования и защиты. Тем более, когда государственно-конфессиональные отношения приобретают новую конфигурацию в условиях ревитализации религии в ряде регионов, на фоне попыток сформулировать идеологию развития страны в соответствии с новейшими требованиями времени, предъявляемыми к качеству жизни и культуре людей, обреченных жить в XXI столетии.

Статья вызвала у меня ряд соображений. Прежде всего, не оправдана ограниченность круга источников, в которые не попали научные публикации

и дискуссионно-публицистические статьи последних 4-5 лет. Тем более, что в последнее время граждане России и международное сообщество стали свидетелями острой дискуссии как внутри страны, так и на международной арене по вопросам законодательно-правового регулирования, касающегося событий, прямо или косвенно связанных с объектами религиозного культа и персонами, занимающими высшее положение в религиозной иерархии. В этих дискуссиях вопросы этики и благопристойного гражданского поведения, уважения чужих верований оказались тесно связанными с оценкой устойчивости тех ориентиров, которыми руководствуется правящая часть элиты страны в своих проектах духовного развития российского общества.

Чрезвычайно сложный вопрос, затронутый в этих дискуссиях - предметная область состояний, именуемых «оскорблением религиозных чувств». Помимо того, что религиозные чувства - чрезвычайно тонкий предмет сферы правообъектности, возникает еще задача корректного выделения его специфики в связи с отражением в нем переживаний, связанных с религиями, существующими в России на базе соответствующих религиозных объединений. Имеют свою специфику религиозные чувства у сторонников ислама, православия, католицизма, баптизма и множества других религиозных объединений, находящихся в сложных историко-культурных, догматическо-эмоциональных и обрядовых отношениях друг к другу. Каждая религия опирается на собственные религиозные убеждения, утверждает, как минимум, свою духовную, а то и историко-государственную приоритетность для страны. Но по тем же основаниям «при-

---

* Глаголев Владимир Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России

оритета веры», то есть эмоционально-го состояния, эти претензии ставятся под сомнение конкурирующими конфессиями. Закон, призванный обеспечивать стабильность общества, имеет, на мой взгляд, одну задачу – не давать никаких оснований публичной активизации споров о религиозных приоритетах, оставляя их в рамках действующих конфессиональных собраний и религиозных проповедей для последователей конкретной религии и т.д.

Разумеется, закон блокирует такие действия граждан, которые ведут к социально-групповой и политической напряженности в сфере межконфессиональных отношений. И, разумеется, закон перестает выполнять свою основную функцию, если провоцирует активное противостояние граждан на основании религиозной мотивации их позиций.

С учетом сказанного, было бы интересно продолжить на страницах журнала дискуссию об особенностях содержания и правоприменения тех изменений, которые группы юристов нашего Отечества предлагают внести в действующее законодательство Российской Федерации о свободе совести и религии. И, разумеется, значима для имиджа государства Российского и та (даже возможная) реакция авторитетов международно-правового нормотворчества, которая будет связана с внесением окончательных поправок в действующее российское законодательство. По крайней мере, для того, чтобы смоделировать новую конфигурацию идеолого-правовой ситуации, которая сложится в связи с окончательным принятием подготовленных изменений и реализацией их в юридической практике.